

A
984

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

А. В. ЦАНАВА

САТИРА И ЮМОР В ГРУЗИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Издательство Академии наук Грузинской ССР

Тбилиси — 1964

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

А. В. ЦАНАВА

САТИРА И ЮМОР В ГРУЗИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук.

Издательство Академии наук Грузинской ССР
Тбилиси — 1964

Направляем Вам для ознакомления автореферат диссертационной работы А. В. Цанава на тему: «Сатира и юмор в грузинской народной словесности», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук. Защита

состоится « 18 » марта

1964 г.

Ваши замечания по автореферату просим направлять по адресу: Тбилиси, просп. И. Чавчавадзе, № 1.

Ученый секретарь:

Д. Гуцишвили

Диссертационная работа «Сатира и юмор в грузинской народной словесности» ставит своей целью показать богатство и многообразие грузинской народной сатиры и юмора, их место в отдельных жанрах устной словесности, выделить из общего фонда типические виды сатирического рода, на конкретных примерах показать связь народной сатиры с литературой, дать портреты народных сказителей-сатириков, указать место сатиры в современной народной поэзии и, наконец, рассмотреть некоторые жанровые и художественные особенности сатирико-юмористических образцов народной словесности.

Диссертация состоит из введения и семи глав.

Во **введении** (стр. I—XLIX) определено значение темы и указано, что вопросы народной сатиры и юмора вообще пока еще не изучены должным образом. Не существует специальной литературы, в которой были бы рассмотрены важнейшие проблемы народной сатиры, а именно: история возникновения и развития народной сатиры, ее специфика, виды народной сатиры и их особенности, взаимоотношение народной сатиры и литературной сатиры, сатира как род литературы и как художественный принцип и т. д.

Изучение сатиры и юмора в устной словесности отдельных народов, накопление соответствующего фактического материала, как основы для рассуждений и обобщений теоретического характера, должны облегчить решение перечисленных выше вопросов, а также других аналогичных проблем.

Автор особо заостряет внимание на народной сатире, которая легла в основу сатиры литературной. Великий сатирик Щедрин отмечал, что «единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном и действительном значении этого слова»¹. Сам «отец комедии» Аристофан был теснейшими узами связан с народным творчеством.

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, О литературе, 1952, стр. 538.

Как в Греции, так и в других странах сатира прежде всего проявляется в народном творчестве. В России сатира проявляется сначала также в устном народном творчестве (сказки, пословицы, песни, народные драмы). В дальнейшем сатира проникает и в литературные памятники. Прогрессивная русская литература, с древнейших времен, была всегда тесно связана с сатирическими направлениями народной поэзии².

Взаимоотношения литературной и народной сатиры в разные исторические эпохи были различными. Так, например, в средние века, когда в идеологической области господствовала церковь, сатира продолжала существовать в народном творчестве. Ее хранили и распространяли народные певцы и сказители. Такая сатира в дальнейшем, в эпоху Возрождения, получила отражение в пьесах Шекспира, Джонсона, Лопе де-Бега. Здесь же делается краткий обзор наиболее известных мировых писателей-сатириков и их произведений. Далее указано, что в России сатира достигла высшей ступени своего развития в 19 веке, ярким свидетельством чего являются «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» и «Мертвые души» Гоголя, басни Крылова, все творчество Шедрина, рассказы Чехова и памфлеты Горького.

В грузинской литературе сатира и юмор «особенно проявляются с так наз. эпохи Возрождения»³. Ярким выражением антирелигиозной и социальной сатиры, тесно связанной с определенным видом сатирического рода национальной устной словесности, в частности — с острословием, является книга С.-С. Орбелиани «Мудрость вымысла».

Развитие грузинской сатиры и юмора достигло высокого уровня в 60-х гг. 19 века. И. Чавчавадзе, А. Церетели, а затем — классик грузинского юмора Д. Клдиашвили в своем творчестве опираются на лучшие, прогрессивные традиции народной сатиры. «Источником сатирических эпитетов И. Чавчавадзе является народная речь»⁴. «В сатирической поэзии А. Церетели для характеристики того или иного явления или личности подобраны сравнения, распространенные в народной речи»⁵.

² Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.-Л., 1954, стр. 140.

³ Г. Кикнадзе, К истории развития грузинской сатиры и юмора, Тб., 1953, стр. 94 (на грузинском языке).

⁴ Там же, стр. 325.

⁵ Там же, стр. 353.

Литературная сатира со дня своего возникновения была тесно связана с народной сатирой. Эта творческая связь и в наши дни придает ей огромную жизнеспособность.

* * *

Слово «сатира» употребляется в двояком значении. В широком понимании сатира включает в себя всевозможные виды насмешки. В другом же, более раннем значении, она подразумевает насмешливое стихотворение, лирическое по своей форме. Виды сатиры (насмешки) суть следующие: юмор, ирония, сарказм, гротеск, карикатура, шарж, эпиграмма, пасквиль и др. Среди этих видов насмешки нет резкого различия. Некоторые литературные и народные произведения содержат несколько видов насмешки одновременно.

В античной литературе сатиру считали одним из жанров лирики. В дальнейшем область действия сатиры неизмеримо возросла, включая в себя сатирические романы, повести и рассказы, басни, памфлеты и фельетоны, графику, кино, драматуриги и т. д. Несмотря на это, деление литературы на три поэтических рода, идущее от Аристотеля (эпос, лирика и драма), осталось неизменным. По мнению Л. Тимофеева, «сатира может осуществляться и в лирике, и в эпосе, и в драме, но вместе с тем представляет собой и как бы особый литературный род, характеризующийся своеобразным способом типизации, основанным на гиперbole и преувеличении»⁶. Приблизительно такого же мнения придерживается и Я. Эльсберг. Он пишет: «Сатиру мы должны рассматривать и как особый художественный принцип изображения действительности, и как род литературы»⁷. Аналогичную точку зрения разделяют Ю. Борев⁸ и Д. Николаев⁹.

Таким образом, литературные теоретики считают сатиру особым принципом художественного отражения действительности, и вместе с тем утверждают, что она выполняет также функцию рода литературы и поэтому имеет, соответственно, свои виды.

В трудах советских фольклористов, опубликованных за последние годы, заостряется внимание на своеобразных прин-

⁶ Л. И. Тимофеев, О систематизации основных понятий теории литературы, «Литература в школе», 1955, № 2, стр. 72.

⁷ Я. Эльсберг, Вопросы теории сатиры, М., 1957, стр. 33—34.

⁸ «Вопросы литературы», 1961, № 2, стр. 105—106.

⁹ Д. Николаев, Смех — оружие сатиры, М., 1962, стр. 219.

ципах проявления сатиры и юмора в отдельных жанрах устной словесности. Сатира «в отдельных случаях... создает основную целенаправленность произведения (самоценно сатирические формы фольклора — сатирические сказки, песни, пословицы и т. п.), а иногда включается в него в виде различных элементов (комически окрашенные эпизоды, сатирические образы, иронические и юмористические замечания и т. д.)»¹⁰.

Бесспорно, что сатира, как художественный принцип, более или менее используется почти во всех жанрах устной словесности. Спорить можно лишь о том, какой жанр или цикл устной словесности может быть отнесен к тому или иному виду сатирического рода.

В грузинской народной словесности имеются такие жанры, или такие циклы произведений, в которых сатирический принцип занимает господствующее положение, создавая отдельную разновидность сатирического рода. Так, например, в рассказочном эпосе легко выделяются сатирические сказки и рассказы басенного типа о животных. В обоих жанрах господствующее место занимает сатирический принцип, и поэтому они представляются отдельными видами сатирического рода. С таким же положением мы имеем дело и в грузинском народном острословии. Образцы последнего как в отношении формы, так и с точки зрения сатирико-юмористического принципа отражения действительности занимают особое место и создают отдельный вид. Таким образом, в грузинской народной прозе видами сатирического рода являются сатирические сказки, рассказы басенного типа о животных и образцы острословия.

Специфические жанры грузинской народной поэзии — поэтические состязания, турнир и кафия, основаны на художественном приеме сравнения и преувеличения и в целом определены сатирико-юмористическим принципом. Поэтому видами сатирического рода в грузинской народной словесности мы считаем собственно сатирические сказки, острословие, сказки басенного типа о животных, поэтические состязания, турнир и кафию. В нашей работе особо выделены и рассмотрены именно эти виды. Мы специально заостряем внимание на поэтическом турнире и кафии, поскольку эти виды сатиры до сих пор и с жанровой точки зрения были изучены недостаточно.

¹⁰ А. М. Астахова, Сатира и юмор в русском былинном эпосе, «Русский фольклор», 1957, т. II, стр. 5.

Во введении сделан подробный обзор существующей литературы по вопросу сатиры, юмора, иронии, сарказма и других видов насмешки. Мы уделяем особое внимание взглядам русских революционных демократов по важнейшим проблемам сатиры и юмора.

Специальные статьи и высказывания классиков марксизма-ленинизма относительно сатиры и юмора являются руководящими положениями для всех исследователей, работающих в этой области. Во вступительной части работы важное место удалено отношению К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина к сатирико-юмористической литературе и особенно — к народной сатире.

В. И. Ленин в своих трудах широко пользовался поговорками, народной афористической речью, крылатыми словами. Народную афористическую фразеологию В. И. Ленин часто использовал в заголовках своих статей, определяя, таким образом, их разоблачительную силу; он с самого же начала громил своих противников. Известны, например, такие заглавия трудов В. И. Ленина, как «В трех соснах заблудились», «Журавль в небе или синица в руки», «За деревьями не видят леса» и др.¹¹.

В. И. Ленин придавал большое значение разоблачительным сатирическим произведениям и после Октябрьской революции. Прочитав стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», он дал ему следующую оценку: «Давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдребезги высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики, ручаюсь, что это совершенно правильно»¹².

В нашей стране всегда уделялось большое внимание развитию здоровой сатиры. В новой Программе КПСС в качестве основной задачи литературы и искусства указаны «вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед»¹³.

Тов. Н. С. Хрущев в своей речи на встрече с работниками литературы и искусства неоднократно подчеркивал зна-

¹¹ Н. Ф. Бабушкин, Фразеологические обороты в сочинениях В. И. Ленина, «Русский фольклор», т. I, 1956, стр. 7.

¹² В. И. Ленин, Соч. т. 33, стр. 197.

¹³ Программа и устав КПСС, М., 1962, стр. 220.

чение сатиры. Здоровая сатира должна широко использоваться, ибо она «предупреждает людей от болезни, помогает людям изживать недостатки. Так что сатира и впредь должна быть на вооружении нашей партии и народа, разить все, что мешает нашему продвижению к коммунизму»¹⁴.

В народной словесности сатира и юмор используются с большим тактом и умеренностью. Народный сказитель, убежденный в могуществе сатиры, степенно и неторопливо высмеивает своих противников. Эта насмешка бывает то гневной и ядовитой, то мудрой и веселой, то печальной, наивной и т. д., — словом, такой же многообразной, как и сама народная жизнь.

Сказители-сатирики выступают от имени народа и защищают его интересы. Жизненная правда и патриотическая страсть — основная цель их творчества.

Первая глава — «Сатира и юмор в грузинской народной прозе» (стр. 1—75) состоит из двух частей: 1. Сатира и юмор в сказках о животных, где в аллегорической форме, во взаимоотношениях животных раскрываются человеческие характеры, и 2. Собственно сатирические сказки.

В сказках о животных сатира и юмор возникают с того периода, когда эти сказки, создаваемые в классовом обществе, получали аллегорический характер, т. е. вид басен. Раньше, когда человек еще не выделял себя из царства животных, и особенно — в период формирования животного тотемизма, нельзя было даже ставить вопроса о сатире и юморе. Классовое общество обусловило замаскированную, аллегорическую форму высмеивания представителей господствующего класса, и именно такая насмешка лежит в основе сказок о животных басенного типа. Поэтому указывают, что «сатирический элемент составляет коренной признак многих сказок о животных»¹⁵.

Как и в устной словесности других народов, в грузинских народных сказках о животных основным сатирическим персонажем является лиса. Причины этого исследователи усматривают в том, что в образе лисы обобщенно олицетворяются ловкость и хитрость, благодаря которым она одерживает победу над своими противниками — другими хищными живот-

¹⁴ О литературе и искусстве. Сборн. документов, изд. «Советская Россия», 1959, стр. 74.

¹⁵ Русская сатирическая сказка. Подготовка текстов, статья и комментарии Д. М. Молдавского, М.-Л., 1955, стр. 179.

ными¹⁶. В каждом поступке лисы подразумеваются соответствующие действия людей.

Сатирико-юмористический образ лисы обусловлен теми отношениями, в каких находится она с другими животными и птицами. В одних случаях она выходит победительницей из конфликта со своими противниками, в других — терпит поражение. По нашим наблюдениям, лиса из борьбы со своими физически более сильными противниками, в образах которых подразумеваются представители господствующих классов, всегда выходит победительницей, и противники становятся объектами сатиры. Когда же лиса борется с физически более слабыми существами, олицетворяющими представителей низшего, угнетенного социального слоя, она всегда терпит поражение и становится объектом юмора. Этот последний в данном случае не переходит в сатиру, вызывающую возмущение или отвращение. Именно поэтому образ лисы сохраняет свой постоянно привлекательный общесатирическо-юмористический характер. Благодаря своей хитрости и сообразительности, лиса обманывает и жестоко наказывает льва, волка, медведя, но в свою очередь иногда оказывается одурченной и поставленной в глупое положение перепелом, куропаткой, удодом, барабаном и т. д.

Волк в сказках о животных аллегорически олицетворяет жадность и грубую силу. Он ненасытен и беспощаден. Эти качества, в соответствии с сатирическим принципом, изображены в преувеличенном масштабе. Иногда оказывается, что волк терпит поражение в борьбе с существом более слабым в физическом и умственном отношении. Голодный волк, например, встречает свинью и собирается ее сожрать. Свинья, однако, подкупает его вежливыми и льстивыми словами: «О великий господин!.. Ваша воля, что вы со мной сделаете... Но я очень уж стара... отца вашего помню еще младенцем... что это был за молодец, да будет благословенна его душа... Пожалуйте к нам, у меня есть пять поросят... Пожалуйте, какой вам понравится — того и забирайте». Жадный волк остается обманутым. Вечером, запервшись со своими поросятами, свинья говорит ему: «Лучше убрайся, откуда пришел». Здесь специально подобран словесный инвентарь, который служит юмористической цели. Персонажу преднамеренно приписываются такие качества, которые не присущи его внутренней природе.

¹⁶ Е. А. Тудоровская, Сказки о животных. Русское народное-поэтическое творчество, т. II, 1955, стр. 336.

Медведь — олицетворение грубой физической силы и глупости. Во взаимоотношениях с лисой он всегда терпит поражение, становясь объектом сатиры. Царю-льву наносят поражение трусливый заяц и комар. Здесь со всей наглядностью проявляется главный признак сатиры — прием сравнения и преувеличения.

В сказках о животных проявляется дифференцированное отношение к персонажам. Это значит, что непосредственными объектами сатиры являются такие животные (волк, медведь, лиса), которые аллегорически олицетворяют качества угнетателей (чиновника, священника, купца, старосты), находившихся в постоянных отношениях с трудящимися, с крестьянами.

Собственно-сатирические сказки составляют важную часть грузинской народной прозы. Сказки этого типа обладают собственной спецификой, отличающей их, в первую очередь, от волшебных сказок, а затем от новеллистических сказок обычного типа.

В сатирических сказках намеренно преувеличенно заострено внимание на том или ином отрицательном явлении, и это преувеличение иногда доходит до гротеска. В большинстве случаев герои сатирических сказок сначала же оказываются в невыгодном положении. Они действуют наивно, либо же их кто-нибудь обманывает. Такая наивность или обман — специальный прием, основанный на сатирическом принципе преувеличенного сравнения. В процессе развертывания действия выясняется, что эти качества героя — только кажущиеся: на самом деле этот герой или персонаж оказывается гораздо сильнее и умнее своих противников.

В сатирических сказках господствует реалистическая точка зрения, и объектами насмешки зачастую оказываются персонажи волшебных сказок, наделенные магическими свойствами.

Герои сатирических сказок противопоставляются царю не только по социальному положению, но и своей находчивостью, остроумием, умом. Такие герои выступают «как представители народных низов, носители народной мудрости»¹⁷.

Как известно, крестьянство, в силу определенной ограниченности своего классового сознания, долгое время верило, что его угнетателями являются не непосредственно существующий строй, не царь, а местные чиновники и помешники, купцы, духовенство, староста и т. д. «Добрый царь» может покончить со всяkim злом. Подобные взгляды бытовали в

крестьянской среде даже до первой русской революции. Заострение социальных и классовых моментов в сатирических сказках возрастило по мере осознания крестьянством себя, как класса.

Известно, что «антипоповские мотивы — основные мотивы русской сатирической сказки»¹⁸. Так же обстоит дело и в грузинских сатирических сказках. Практические дела духовенства расходятся с учением и моралью, которые оно пропагандирует. Все это крестьяне видели, наблюдали своими глазами, поскольку духовные лица и экономически зависели от крестьянства. Поэтому совершенно естественно возникли реальные основания для всех тех сатирических сказок, в которых показан аморальный облик духовенства. Вообще народное творчество не создало ни одного положительного образа духовного лица. Этот факт отмечал В. Белинский в своем известном письме к Гоголю. Именно такие реалистические тенденции имеют в виду, указывая, что в сатирических сказках действительность отражается с позиций «наивного реализма».

Тематика сатирических сказок довольно разнообразна. Подобная сатира иногда бывает направлена против существующих среди самого крестьянства дурных традиций, неприемлемых, нетерпимых привычек и других отрицательных явлений.

В этой главе рассмотрены грузинские народные сатирические сказки, отражающие классовую тематику (направленные против царя и его чиновников, духовных лиц и торговцев), а также бытовую тематику (приключения наивных жен, злых женщин, обманщиков и бездельников, сирот и др.).

Своебразной пародией на героический эпос является сказка о «Нацаркеции». Это — лентяй и бездельник, ковыряющийся в золе, слабый и беспомощный. Однако, благодаря своей находчивости и остроумию, он совершает подвиги, которые под силу только прославленным героям — Амирани и Ростому. А. Церетели считал Нацаркецию типом, имеющим общечеловеческое значение. В этой сатирико-юмористической сказке получило выражение качество, противоположное героическому эпосу: противнику наносят поражение не силой, не в результате битвы и проявленной в ней отваги, а благодаря ловкости и находчивости. Это — своеобразное развертывание народной пословицы: «Хитрость лучше силы, если человек сообразит», ее представление в определенном сюжетном обрамлении.

¹⁷ Русская сатирическая сказка, стр. 184.

¹⁸ Русская сатирическая сказка, стр. 191.

Вторая глава (стр. 75—259) посвящена вопросу сатиры и юмора в грузинской народной поэзии. Это — наиболее обширная часть диссертационной работы, в которой содержится целый ряд принципиально новых моментов. Так, наряду с другими вопросами, здесь с жанровой точки зрения изучены специфические виды народной сатиры (поэтические состязания, турнир, кафия), выявлены неизвестные сатирики-сказители и показана функция сатиры и юмора в связи с развитием общественных отношений.

Вопросам грузинской народной сатиры и юмора впервые уделил внимание историк грузинской литературы Г. Кикнадзе в своей работе «К истории развития грузинской сатиры и юмора» (1953 г.). Соображения этого автора мы надлежащим образом учитываем в отдельных главах диссертации.

В первую очередь мы рассматриваем сатиру и юмор, направленные против иностранных захватчиков. В борьбе против завоевателей создавалась весьма своеобразная и высокохудожественная грузинская народная героическая поэзия, обладающая своими специфическими особенностями. Образцы сатирической поэзии, созданной на эту же тему, существенно отличаются от обычных героических стихов. В последних народный герой сражается с сильным и коварным врагом. В сатирических же стихах образ захватчика представлен в приниженнном виде, высмеивается. В этом состоит специфика сатирического принципа.

По совершенно справедливому замечанию Ю. Борева, «осознание комичности даже сильного и страшного врага помогает мобилизовать силы на борьбу с ним, преодолеть чувства страха и растерянности»¹⁹.

Нельзя не напомнить в связи с этим воспоминание В. Маяковского о том, как в тяжелые годы борьбы с интервентами «наши солдаты боялись танков... Приехал Демьян Бедный и назвал танк попросту «Танька». Он высмеял орудие смерти, и так это разошлось, что «Танька» с уст не сходила: «Танька», «Танька» — чего ее бояться»²⁰.

М. Горький требовал показывать молодежи социальное зло «в легкой сатирической форме, как отвратительные и смешные уродства»²¹.

Вожди разбойничих соседних племен (Азат-хан, Абдулла-бек, Омар-хан и др.) в сатирических стихах показаны в

поразительно приниженнном и смешном виде. Из видов насмешки здесь использованы сарказм и сатира. Народ так же беспощадно борется и против местных помещиков (Зураб Эристави, Заал Бараташвили, Шиола Гудушаури, Амилахвари и др.). Здесь также господствующее место занимает сатира. Зураб Эристави захотел силой подчинить себе свободных пшавов и хевсупов, не имеющих помещика, но не сумел достичь этой цели и сам пал жертвой начатой им несправедливой войны. Кровавый поход З. Эристави длился долгое время. Сказители создали цикл сатирических стихов, в которых подчеркивалась трусость этого спесивого завоевателя («По длинным берегам Арагви ты удирал от нас бегом»); он, оказывается, вспомнил о своем коне только добежав до Тваливи (деревня в Пшавии).

В одном из хевсурских стихов о Зурабе говорится:

Вовек Зурабу эриставом
в стране хевсупов не бывать:
У нас ты сразу похудеешь,
с коня разучишься слезать!²²

Против классового гнета и социального зла направлен классический памятник грузинской народной поэзии — «Стих об Арсене». В этом произведении подвергнуты уничиждающей насмешке классовые враги крестьян (Заал Бараташвили, Сумбаташвили, Фарсадан, казаки-каратель, купцы и пр.). Народный герой Арсена олицетворяет внутреннюю смелость и отвагу крестьянства. Он всемогущ, ему не нужно проливать кровь. Когда он похитил одного из приближенных Заала Бараташвили, помещик со слезами сообщил городскому губернатору, что Арсена «поверг его во прах, унизили». Арсена отнял винтовки у двенадцати своих преследователей и набил их землей, купцам-обманщикам назначил новую меру для отмеривания товаров, сорвал эполеты у прибывшего на праздник Сумбаташвили, вывел на свободу посаженного в яму крестника и т. д.

Такое приниженное изображение противника в сатирических произведениях обусловлено тем художественным принципом, которым руководствуется сказитель-сатирик, и отнюдь не означает, что объект сатиры действительно так слаб и ничтожен. Сатирик внутренне возвеличивает людей, борющихся

¹⁹ Ю. Борев, О комическом, М., 1957, стр. 53.

²⁰ Газ. «Правда» № 103, 1963, 13 апреля.

²¹ М. Горький, О литературе, М., 1955, стр. 407.

²² А. Шанидзе, Народная поэзия, хевсурская, 1931, стр. I (на грузинском языке).

ся против порока и зла, внушает им чувство собственного превосходства. «Человек смеется в том случае, если он чувствует свое внутреннее превосходство над тем, что подвергается осмейнию»²³. Это специфическое свойство было характерно для сатиры с самого ее возникновения и сохранило свою силу до наших дней.

Сатира, направленная против местного дворянства, приобрела своеобразный вид в грузинской народной поэзии по реформенного периода. Быстрое развитие капитализма повлекло за собой упадок дворянства. Возникло обширное сатирико-юмористическое стихотворение об отмене крепостного права. Это стихотворение в различных вариантах распространено как в Восточной, так и в Западной Грузии. Наиболее обдневшая часть дворян вынуждена была взяться за мотыгу, чтобы простым крестьянским трудом поддержать свое существование. Положение такого помещика, непривыкшего к физическому труду, вызывает смех. Рассказывая об этом положении от I лица, сказитель-юморист рисует запоминающуюся картину:

Позабывши про дворянство,
В руки взял мотыгу я
И со страхом озираюсь:
Не увидели б меня.

Часть дворян пошла на военную службу, в надежде добиться высоких чинов и богатства. Этот факт, конечно, не ускользнул от внимания сказителей, и они высмеяли «князей и дворян Картли и Имерети», награжденных за службу «в почетных караулах», не выходя из дома.

В этой же главе подробно рассмотрены образцы народной сатиры и юмора, направленные против царских чиновников, старост, судей и адвокатов, купцов и духовенства.

В бытовой поэзии сатира и юмор направлены, главным образом, против недостатков, присущих самим трудящимся, против пережитков прошлого. Основным видом насмешки в данном случае является юмор, хотя в некоторых циклах (злая невеста, изменница-жена) не исключена и сатирическая точка зрения.

²³ А. Галавин, Юмор и сатира в советской поэзии, Ульяновск, 1960, стр. 3; социальной функции смеха посвящена интересная монография А. Кутеля «Сила смеха», изданная на грузинском языке в 1961 г.

В грузинской народной бытовой и любовной лирике существуют замечательные, законченные и рафинированные поэтические образы, в возвышенной форме, романтическими красками передающие нежнейшие человеческие чувства. В противоположность этому сатирико-юмористические стихи и песни бытового характера сознательно избегают таких повышенных образов и, преувеличенно заостряя внимание на отрицательных явлениях, создают запоминающиеся образы, как-то: злая невеста, обманщица-сваха, изменница-жена и никудышный муж, бедные крестник и крестница, свекровь и невестка и т. п. В юмористических стихах этого типа главной формой насмешки является самохарактеристика. Сказитель как будто не вмешивается в действие, выступая в роли наблюдателя. Злая невеста, обманутый жених, бедный крестник и другие персонажи сами рассказывают о «героических» приключениях, — о печальных и вместе с тем смешных событиях.

Состязание в шаири, состязание в стихах, поэтический турнир и пшавская кафия, как типичные виды сатирического рода, занимают важное место в грузинской народной бытовой поэзии. Рассмотрению их в диссертационной работе уделяется особое внимание (стр. 140 — 238).

Состязание в шаири, состязание в стихах, поэтический турнир и кафия—своебразные виды стихотворного соревнования, во время которых соперники-поэты беспощадно разоблачают как свои личные пороки, так и недостатки всей общины или рода. В таком споре решающее значение приобретают остроумная импровизация, удачное, меткое поэтическое слово, с помощью которого одаренный от природы поэт должен заставить своего соперника замолчать. Это считается доблестью и приносит славу. Фантазия сказителей-импровизаторов при этом свободна, неограничена.

Состязание в шаири распространено во всей Грузии. Особенность его традиции состоит в том, что противники, поэты-певцы, стоят друг перед другом, и, аккомпанируя себе на музыкальном инструменте (пандури, чонгури, волынка, гитара), поочередно произносят посвященные друг другу стихи. При таком состязании используются куплеты типа частушек, большинство которых создается и распространяется путем импровизации. Эта традиция, как указывает акад. А. Шанидзе, распространена в долинных районах Грузии, хо-

тся встречается и в горах, в частности — в Хевсуретии²⁴. В процессе состязания соперники имеют право использовать уже существующие, распространенные в независимом виде частушки («шари»). Главное внимание при этом обращается на то, который из соперников вспомнит или сымпровизирует большее число таких «шари». При состязании в шари не обязательно, чтобы стихи строились в форме диалога (ответов и вопросов) между соперниками, — это уже составляет традицию пшавской кафии.

Стихотворное состязание, или состязание в стихах, в отличие от состязания в шаири, распространено главным образом в горных районах Грузии и проводится в основном между мужчинами. Традиция стихотворного состязания не требует, чтобы соперники обязательно выступали друг перед другом, лицом к лицу. Исследователь пшавской поэзии Г. Апшинашвили называет такое состязание «заочным состязанием». В этом случае стих сочиняется после предварительного обдумывания. Соперник имеет право ответить на переданный ему стих спустя некоторое время. Иногда соперничающие стихотворцы живут в разных деревнях, и подобное состязание длится между ними целые годы. Один из стихотворцев обращается к своему сопернику, Пунчия, со следующими словами:

Если бы нам с Пунчия расстаться,
И обоим в этом расписаться,
И в стихах бы нам не состязаться,
Отдохнули б оба, может статься!²⁵

Противоположностью такого заочного состязания является прямое состязание, относительно которого Г. Апшинашвили пишет, что при таком состязании стихи произносятся экспромтом, без предварительной подготовки. «Прямое стихотворное состязание всегда происходило в каком-нибудь праздничном месте... Я помню, как однажды на крестовом празднике состязались два молодых стихотворца. Борьба их продолжалась долго, но наконец один (одолел)... Зрители захлопали в ладоши и закричали: «Он победил, одолел!»²⁶.

²⁴ А. Шанидзе, Народная поэзия, хевсурская, 1931, стр. 014.

²⁵ Пшавско-хевсурская поэзия, 1949, стр. 263.

²³ Газ. «Иверия», № 37, 1896 г., «Из жизни пшавов».

Если кто-либо не мог самостоятельно ответить сопернику, он обращался к знакомому стихотворцу и описывал ему недостатки этого соперника. Стихотворцы же в таких случаях охотно удовлетворяли просьбу, создавая образцы шуточных, насмешливых стихов.

Кафия. Традиция кафии существенно отличается от поэтического состязания в «шиари» и состязания в стихах. Относительно самого термина «кафия» проф. Д. Кобидзе указывает, что «рифма в арабском и персидском языках называется զաֆօս || ყაֆօս. Этот термин встречается в грузинской поэзии как в письменных памятниках, так и в народном творчестве, но имеет не одинаковое значение. В народной традиции он употребляется в значении диалога, состоящего из вопросов и ответов, т. е. своеобразного поэтического турнира... Кафия — термин, связанный с выражением той или иной мысли в стихотворной форме и, следовательно, с поисками рифмы»²⁷.

В грузинской народной поэзии кафия подразумевает стихотворение сатирико-юмористического характера, произносимое экспромтом, без предварительной подготовки. Такую традицию следует считать специфическим явлением для пшавской поэзии. Великий классик грузинской литературы Важа-Пшавела писал, что «там, где собрались два пшава и стоят два стакана водки, обязательно должно быть и стихотворение. Они должны померяться друг с другом не в услышанных ранее и заученных стихах, нет: противники «отвечают» друг другу кафией (экспромтом)»²⁸. Это же подтверждает и брат Важа-Пшавела — Бачана. «В Пшавии,— пишет он, — стихотворцем называют того, кто произносит стихи без предварительной подготовки. «Стихотворцы» состязаются друг с другом экспромтом, кафией»²⁹.

Пшавская поэзия сохранила до наших дней уникальную и сложнейшую форму кафийной традиции — стихотворно-песенный турнир (*ධჰეგჸბა* или *ঢেগ়েৰ্গৰ্বা*), который мы считаем специфически присущим только пшавской поэзии. Кафия — понятие более широкое и подразумевает

²⁷ Д. Кобидзе, Из истории грузинской и персидской поэтики. Труды Тбилисского гос. университета, 1960, т. 91, стр. 142 (на грузинском языке).

²⁸ В а ж а -П ш а в е л а , Соч., т. VII, 1956, стр. 97—98 (на грузинском языке).

²⁹ Бачана Стихи и поэмы. 1938. стр. 259 (на гора языке).

произносимые экспромтом, без предварительной подготовки стихи как диалогического, так и монологического характера. *ბეჭებუ* же — более древний термин, нежели кафия и подразумевает сатирико-юмористический стих только диалогической формы. Акад. А. Шанидзе опубликовал в своем известном сборнике один образец такого состязания и сделал в связи с этим следующее примечание: «Такая беседа — обычное явление для Пшавии, и у меня имеется много ее образцов. В хевсурской же традиции она не встречается. В данном случае тоже один из противников — хевсур., а другой — пшав. Ясно, что весь спор происходит по пшавскому обычая»³⁰. Этот пшавский обычай, как подтверждают вновь обнаруженные материалы, известен и в других уголках Грузии (Хевсуретия, Мтиулети, Хеви и др.), но сказители всегда указывают, что такому обычаям они научились у пшавов (была даже сложена пословица: «научился петь как пшав, не потратив ни гроша»).

Хевсурские сказители называют кафию такого рода собственно импровизированной песней (*თაგისძინობის სიმღერა*) и считают ее пшавской. Собиратель пшавско-хевсурской поэзии И. Хорнаули в 1939 г. указывал, что «в грузинской народной поэзии пшавские стихотворно-песенные турниры занимают особое место» и они «пока еще не стали предметом специального исследования»³¹. Этот весьма своеобразный вид сатирического рода особенно заинтересовал автора представленной диссертации, и на протяжении ряда лет, находясь в составе фольклористических экспедиций и в научных командировках, он собрал огромное количество образцов кафий и записал ценные сведения о выдающихся пшавских сказителях-юмористах. Именно эти вновь обнаруженные материалы главным образом и легли в основу наших рассуждений и выводов по указанным вопросам.

Пшавские стихотворные турниры не исполняются без песни. Поэтому слова *ბეჭებუ* и *ზემღებები* представляются нам синонимами. Один стихотворец запевает песню другому, своему сопернику, и вместе с тем произносит стихотворение. Соперник обязан дать ответ песней, отвести от себя предъявленное обвинение, или же отплатить противнику другим обличительным стихотворением. Такое состязание продолжается

до тех пор, пока один из соперников не окажется победителем. Иногда одна остроумная строка может решить исход всего состязания, заставить соперника замолчать. Таким образом, при стихотворно-песенной разновидности кафии решающее значение имеет не количество импровизированных стихов, а своевременно произнесенная меткая фраза, после которой спор прекращается. Слушатели тоже присуждают победу тому, кто произнесет такую остроумную фразу. В процессе стихотворно-песенного турнира слушатели уделяют главное внимание не самой песне, монофонической и монотонной по своему характеру, а остроумному ответу, произнесенному экспромтом. В процессе стихотворно-песенного турнира стихотворение, произнесенное экспромтом, занимает главное место, и мелодия ему подчинена.

Кафия такого рода — сложнейший поэтический турнир, поскольку она основана на единстве рифмы и в большинстве случаев — на равномерном чередовании строк. Это означает, что если один соперник спел двустишие, другой обязан ответить ему двустишием же, чтобы не нарушать единообразия рифмовки.

Рифма в пшавско-хевсурском наречии называется *ყველა*, т. е. колено, скрепление, придающее стиху монолитность. Если один из соперников изменил рифму, то это считается признаком его слабости и такой стихотворец считается потерпевшим поражение. Изменить рифму можно только по обоюдному согласию обеих сторон. Это допускалось на свадьбах, где шаферам жениха и невесты приходилось вести между собой длительное стихотворно-песенное состязание (кафия), а также во время храмовых и других праздников, на которых собиралось огромное множество народу и стихотворцы из различных районов длительное время состязались друг с другом.

Шаферы жениха и невесты, представители различных деревень, направляющиеся на храмовый праздник, заранее избирали наилучших стихотворцев. Эти последние приблизительно уже знали, кто именно будет их достойным противником.

Один из таких соперников обратился к другому со следующими словами:

Перейдем на другую рифму,
Чтобы стих продолжался стихом.

Распространенные по всей Грузии виды состязания в шафри и состязания в стихах, а также уникальная традиция ка-

³⁰ А. Шанидзе, Народная поэзия, хевсурская, 1931, стр. 613.

³¹ И. Хорнаули, Пшавские стихотворные состязания, 1939, стр. 5
(на грузинском языке).

фин, сохранившаяся в Пшавии, дали нам возможность высказать несколько соображений по вопросам развития грузинской народной сатиры и юмора.

С этой точки зрения необходимо отличать друг от друга образцы общегрузинской и местной устной словесности.

Большая часть пшавской и хевсурской бытовой поэзии не выходит за пределы сравнительно небольшого района своего возникновения, поскольку местный диалект не позволяет ей подняться до уровня общегрузинской устной поэзии. Кроме того и тематика подобных произведений, сама по себе весьма интересная, чрезвычайно локальна и ограничена местным бытом. Вместе с тем, Пшавия и Хевсуретия не прошли тех ступеней общественного развития, которые проделаны долинными районами Грузии. Поэтому в пшавско-хевсурской поэзии сохранились некоторые древние представления. То, о чем сегодня можно рассуждать лишь теоретически, в этой поэзии является конкретным фактом, живой практикой. В этом отношении, с точки зрения развития народной сатиры и юмора, установления определенных ступеней этого развития, образцы устной словесности этих чрезвычайно самобытных уголков Грузии имеют принципиально важное значение.

Насмешка с самого же начала была направлена против какой-либо личности. Если объект насмешки не обладал необходимыми для этого недостатками, то его противник (оперник) искал эти недостатки в его роду, или же в общине, во всей деревне и т. д.

Великий грузинский поэт Важа-Пшавела, подчеркивая значение сатиры и юмора в пшавской поэзии, специально рассматривал репертуар отдельных юмористов-сказителей. «Родной дядя моей матери Параскева³², — пишет он, — был первым стихотворцем Пшавии. Он создавал сатирические стихи, и поныне каждый пшав «стихотворствует» на его лад. К сожалению, он был неграмотен, и бумага совершенно не сохранила его стихов, хотя они живут и сегодня. Эти стихи полны юмора»³³. В данном случае Важа-Пшавела имеет в виду определенную группу сатирико-юмористических стихов, связанных с именем Параскевы и созданных им.

Важа-Пшавела совершенно точно определяет социально-экономические условия возникновения сатиры: «Сатира рож-

дается в народе, когда изменяется народная жизнь, переходя от одной формации к другой»³⁴. Читая эти строки, нельзя не вспомнить известные слова К. Маркса: «Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия»³⁵.

Важа-Пшавела восхищался юмористичностью пшавской кафии, но при этом отмечал, что «юмор надо уметь понимать, осознавать. К сожалению, многие даже содержания пшавских стихов не понимают, — как же после этого требовать от них понимания достоинств или недостатков юмора?»³⁶ Великий поэт и сам принимал участие в стихотворных турнирах и кафиях. В связи с этим он рассказывал, что в таких состязаниях пшавские стихотворцы часто побеждали его. «Удивительно способный народ эти наши пшавы и хевсурьи», — нередко говорил Важа-Пшавела. Восхищаясь остроумием народных стихотворцев, их мастерством стихотворно-песенного турнира, великий поэт пишет: «Стихотворцы проявляют поистине поразительные тонкость языка и остроумие. Человеку постороннему может показаться, что они заранее подготовились к этому соревнованию, настолько совершенно их мастерство»³⁷.

Текст стихотворно-песенной кафии представляет собой стихотворение диалогической формы, обладающее конкретным сатирико-юмористическим содержанием. Это стихотворение обязательно основывается на единой рифме, и его расчленение на отдельные, самостоятельно существующие диалогические единицы невозможно.

Важа-Пшавела требовал, чтобы все публикуемые тексты состязаний в стихах сопровождались соответствующими пояснениями, «поскольку многие не поймут ни смысла их, ни их красоты»³⁸.

Вследствие крайне локального характера тематики этих текстов из поколения в поколение не передавалось непосредственное содержание состязания в стихах или кафии, а переходила их традиция, приобретавшая новых адресатов. Именно в этом причина того, что в хевсурских стихо-

³⁴ Важа-Пшавела, Соч., т. VII, Тб., 1956, стр. 19 (на грузинском языке).

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. второе, М., 1955, стр. 413.

³⁶ Важа-Пшавела, Соч., т. VII, Тб., стр. 107.

³⁷ Там же, стр. 97—98.

³⁸ Там же, стр. 98.

³² По фамилии Габидури. Прим. авт.

³³ См. М. Чиковани, Важа-Пшавела и народная поэзия, Тб., 1956, стр. 20 (на грузинском языке).

творных состязаниях и пшавских кафиях адресатами являются современники самих стихотворцев. Если основное содержание многих героических стихов дошло до нашего времени из глубины веков, то в отличие от них тематика стихотворных состязаний и кафий изменчива: старое содержание предается забвению, сменяется новым содержанием, появляются новые адресаты.

В тематическом отношении хевсурские стихотворные состязания и пшавская кафия могут быть разделены на следующие группы: 1. Стихотворное состязание друг с другом, т. е. сатира личного порядка; 2. Самоосмейние³⁸ в стихах членов семьи и родственников; 4. Осмейние рода или общин; 5. Высмеивание сел или районов; 6. Классовая сатира и юмор.

Таким образом, стихотворное состязание в данном случае является синонимом высмеивания. Когда говорят: ~~зooojъю~~, это означает, что стихотворец кого-то осмеял, вынес на общественный суд его дурное поведение, его недостатки. Нарушитель общинных традиций и этики становился объектом стихотворного осмейния, и это было для него суровым наказанием.

Глубокий знаток быта грузинских горцев, великий грузинский писатель А. Казбеги часто вкладывает в уста своим героям такие слова: «Ради бога, не сделай меня предметом стихотворного осмейния», или «Пусть лучше он погибнет, упав где нибудь со скалы, чем опорочит мое имя, сделает меня предметом стихотворного осмейния». По справедливому замечанию проф. К. Сихарулидзе, образцы стихотворного состязания мохевцев «являются показателем здорового народного юмора. Многие образцы стихотворного состязания являются острой сатирой, направленной против нарушителей определенной морали и этики»³⁹.

Для определения традиции стихотворного состязания и кафии мы особо выделили сказителей-юмористов, которые жили без шума и претензий, без «биографии», создавая неповторимые образцы кафий и стихотворных состязаний. Мы попытались уточнить биографические сведения и репертуар тех стихотворцев, на которых обратили внимание Важа-Пшавела и его брат Т. Разикашвили, считая их выдающимися мастерами кафии и стихотворного состязания. В диссертацион-

³⁹ К. Сихарулидзе, Грузинские писатели и народное творчество, 1956, стр. 181 (на грузинском языке).

ной работе представлены портреты пятнадцати таких стихотворцев. Из них мы считаем необходимым здесь отметить следующих:

Джабани Миндодаури. Этот стихотворец был современником Важа-Пшавела (1861—1915), проживал в сел. Хоми. Великий поэт рассмотрел один образец стихотворно-песенной кафии, принадлежащий Джабани Миндодаури, снабдив его собственным комментарием, в котором разъясняет его юмористическое содержание. Об остроумии Джабани и его выдающихся стихотворческих способностях свидетельствуют сохранившиеся в самих кафиях следующие строки: «Переходи на мою сторону, Джабани, ты прославлен стихотворческим мастерством»; или: «Ведь говорил тебе я, братец, враз одолеет тебя Джабани». Соперниками Джабани были односельчане Важа-Пшавела, стихотворцы Мерцхала Потолашвили, Георгий Раибулишвили, Кацоба, Параксева Габидоури, Дидронашвили и др. Т. Разикашвили записал один образец стихотворного состязания между Джабани и Дидронашвили. Джабани создавал юмористические стихи о себе самом, в которых высмеивал собственную бедность. Вообще, у каждого пшавского стихотворца можно найти несколько образцов самоосмейния. Это стало своеобразным обычаем, исключавшим тенденциозность в поэтических состязаниях и кафиях: тот, кто высмеивает другого, делает его недостатки «общим достоянием», не должен уклоняться и от осмейния своих собственных недостатков, должен стать выше самого себя. В 1955 году мы записали в пшавских селах замечательные образцы кафий, сложенных Джабани, которые дают сравнительно полное представление о колоритном образе этого одаренного народного стихотворца.

Параксева Габидоури, как мы уже отметили, был близким родственником Важа-Пшавела. Великий поэт указывал, что пшавы до сих пор еще слагают стихи на его манер. Проф. М. Чиковани писал об этом: «Долг грузинских фольклористов — на основе указания Важа-Пшавела собрать стихи Параксевы и восстановить привлекательный образ этого народного поэта»⁴⁰. В 1955 г. мы побывали в сел. Схловани, находящемся в Артанском ущелье (Тианетский район), где проживал Параксева. У престарелых пшавских сказите-

⁴⁰ М. Чиковани, Важа-Пшавела и народная поэзия, 1956, стр. 20 (на груз. языке).

лей нам удалось записать ценные сведения, на основе которых мы попытались решить вышеупомянутую задачу.

Оказалось, что Параксева Габидоури был мастером состязания в стихах. Он не участвовал в стихотворно-песенной кафии, т. е. между сказителями, участвующими в стихотворных состязаниях и в традиционной кафии, существовала определенная граница. Уже в молодости стихотворцы, в соответствии со своими склонностями, природными талантами, совершенствовали свое мастерство в каком-либо определенном виде насмешки.

Однажды соперники подвергли Параксеву стихотворному осмеянию в тот период, когда он находился в трауре и не мог принять участия в состязании. Это стихотворение было одним из прекрасных образцов народной иронии. Бедняку Параксеве здесь приписаны несметные богатства; свою деревню, Схловани, он отстроил как город, возвел вокруг нее крепостную стену, изменил течение реки Иори, заставив ее протекать мимо своего дворца. А когда утром Параксева выходит на дворцовую галерею, жители соседнего села говорят: «То на дворцовую галерею, жители соседнего села говорят: «То солнце ли утреннее встало?». Во дворце супруга Параксевы расхаживает в золотых лаптях, грозит своим прислужникам, чтобы они ее не разбудили слишком рано. Параксева так разбогател, что пришел к царю и сказал ему: «Не берите с народа налогов, я сам за всех заплачу». Рассказывают, что Параксева, получив это стихотворное послание, на время заглушил в себе злость. Зато, когда кончился срок траура, он послал своему сопернику ответное стихотворение:

Шлет Параксева стих в ответ,
В нем вражья злоба не заглохнет.
Давидом я в стихах воспет,
Потолы сыном, скоморохом...
Зачем? Пусть даст теперь ответ:
Кем нанят он, что пишет плохо?

Пользуясь приемом преувеличенного сравнения, Параксева создает запоминающиеся поэтические строки, проникнутые ядовитой иронией. Своему сопернику, Давиду, он дает уничтожающий ответ.

Параксеву можно назвать мастером самоосмеяния. В этом он никем не превзойден. Образцы его произведений такого рода были записаны еще во второй половине 19 века Т. Разикашвили; некоторые из них удалось записать и нам в Тианетском районе.

Мерцхала Потолашвили был односельчанином Важа-Пшавела и его близким знакомым. Великий поэт наиболее подробно, с искренней любовью и уважением вспоминает этого мастера монологической кафии. «В Пшавели, — пишет он, — много стихотворцев, но первое место среди них разделяют Мерцхала и Джабани. Мерцхалу зовут по имени Гамихарди, но он этим именем не довольствуется и называет себя Мерцхалой, — это его псевдоним»⁴¹. Эта статья Важа-Пшавела была напечатана в 1886 году, еще при жизни Мерцхалы, но вскоре он скончался, в очень молодом возрасте. Т. Разикашвили пишет об этом: «Мерцхала не так давно скончался, будучи еще совсем молодым. Он считался хорошим стихотворцем, но был совершенно неграмотным. Я пока записал очень мало его стихов, но сейчас думаю, что когда у меня будет немного времени, поеду в Пшавию... и запишу»⁴². Это сообщение Т. Разикашвили приложено к одному из стихотворений, записанных им в 1907 году; таким образом, Мерцхала скончался приблизительно в 1900 — 1905 гг.

Фольклористическая экспедиция в Пшавию, проведенная в 1956 г. (руководитель — А. Цанава) собрала важные материалы о пшавских сказителях вообще и о Мерцхале Потолашвили — в частности. Был пополнен его репертуар, записаны кафии во многих вариантах, и т. д.

Во всех селах Пшавии распространены сложенные Мерцхалой кафии о сельском старосте Элизбаре. В этих кафиях Мерцхала высмеивает «важного» старосту. Как рассказывает Важа-Пшавела, одна из сатирических кафий дошла до адресата (старосты). «Однажды, — пишет Важа, — староста вошел в духан. В этом же духане сидел Мерцхала со своими собутыльниками и потягивал вино. «Кто этот Мерцхала, который меня высмеял в стихах, — спросил староста, — хоть бы мне его показали». Услышав эти слова, Мерцхала ответил «ему стихами»⁴³.

Кафии, сложенные Мерцхалой, проникнуты острым юмором. Они и поныне живут в народе, доставляя огромное наслаждение читателям и слушателям.

Алекси (Фрушка) Цверошвили известен во всех пшавских селах под прозвищем «Фрушка». Сказители

⁴¹ Важа-Пшавела, Соч., т. VII, 1956, стр. 24.

⁴² Народные стихи, записанные Т. Разикашвили. Народная словесность, III, под ред. М. Чиковани, 1953, стр. 193 (на грузинском языке).

⁴³ Важа-Пшавела, Соч., т. VII, 1956, стр. 31.

всегда заранее говорят: «Это сказано Фрушкой», «Фрушка это спел», «Фрушка сложил стих» и т. д.

Фрушка Цверошвили родился в пшавском селе Соплиони, а затем переселился в другую деревню (Лапанкури), где и скончался 60 лет от роду, в 1942 г. Мы попытались полностью собрать репертуар этого чрезвычайно колоритного стихотворца, будучи в 1961 г. в составе фольклористической экспедиции в Кахети (руководитель — М. Чиковани). Побывали мы и в его родной деревне. В настоящее время основной репертуар этого выдающегося мастера кафии записан. Даже соперники признавали силу поэтического слова Фрушки. Георгий Чохелишвили обращается к нему со следующими словами: «Ты скажи нам стих, наш Фрушка, что никто, как ты, не скажет». По рассказам сказителей, Фрушка состязался в стихах с Важа-Пшавела. Записан один образец стихотворно-песенной кафии Важа-Пшавела и Фрушки. Кроме того, в виде отдельного куплета распространены строки Фрушки, обращенные к Важа-Пшавела:

Я первом не обладаю,
Руку я не утомляю,
Но Важа Разикашвили
Я ни в чем не уступаю.

Фрушка Цверошвили был мастером стихотворно-песенной кафии. Его поэтическими соперниками были Алекси Ломашвили, Михаил Турманаули, Георгий Чохелишвили, Гвтисо Букишвили, Элибо Миндодаури и др. Из состязаний с ними Фрушка всегда выходил победителем. Один из соперников (Алекси Ломашвили) предлагает Фрушке притти к нему, и тогда он отдаст ему девушку, прекрасную как Этери⁴⁴. Ведь он, Фрушка, делает чесалки для шерсти, и дочь Алекси будет у него хорошей чесальщицей. На это Фрушка отвечает, что ему не нужна жена, прекрасная как Этери, и стучащаяся в двери каждому молодцу. Дай мне, дескать, такую, которая мне подобает. Алекси в своем ответе упрекает Фрушку в том, что он состарился и, видимо, поэтому отказывается от невесты. Фрушка тотчас же произносит в ответ следующее двустишие: ты, мол, не знаешь, что зреый плод всегда лучше незрелого. Этим остроумным ответом Фрушка «заткнул рот» своему соперни-

⁴⁴ Имеется в виду персонаж грузинского народного романтического эпоса «Абесалом и Этери».

ку, заставил его замолчать. Приведем текст этой кафии в русском переводе:

Алекси: — Вот бы в зятья ты пошел ко мне, Фрушка,
Девушку дам я тебе, как Этери.

Фрушка: — Мне ни к чему такая красотка:
Я лишь подобной себе буду верен.

Алекси: — Ты у нас мастер делать чесалки,
Дочка расчешет тебя, будь уверен.

Фрушка: — А для чего мне, скажи твоя дочка,
Та, что к любому стучится у двери?

Алекси: — Нет, не пойдет за тебя она, Фрушка:
Старым ты стал, видно, пыл твой утерян.

Фрушка: — Ты у нас молод, зато и не знаешь:
Тот плод хорош, что созрел в полной мере!

Это — типичный образец стихотворно-песенной кафии, поскольку здесь соблюдается единая рифма, объединяющая все двустишия. Несмотря на то, что традиция кафии или стихотворно-песенного состязания ограничена чрезвычайно колоритной бытовой тематикой, форма ее исполнения неповторима и уникальна.

Аналогичным образом и в такой же последовательности рассмотрены в работе другие выдающиеся представители традиции состязания в стихах и кафии, как-то: прославленный импровизатор Георгий Гелиашвили (известный под прозвищем «Глухой Георгий»), Хтисо (по прозвищу «Тока») Имерлишвили, Тэвдоре Бецуклишвили, Георгий (по прозвищу «Бутла») Албуташвили, Мцария (по прозвищу «Хоха») Хадилашвили, Бениа («Бена») Бекаури, Пелагия Зарабашвили, Хтисо Джариашвили, Баха Чорашивили, Каратиэли Цицошвили и Чонкара Гверашвили.

Выделение репертуара наиболее выдающихся мастеров стихотворных состязаний и кафий из общего фонда грузинской народной поэзии и его монографическое изучение мы считаем одной из актуальных задач грузинской фольклористики.

В конце второй главы диссертационной работы, по поэтическим образцам, рассмотрены сатиры и юмор о животных. Здесь мы заостряем внимание на том обстоятельстве, что реалистически мыслящие сказители, для заострения сатиры и юмора, заимствуют из традиционной героической поэзии готовые формы, распространенные эпитеты, стерео-

тические выражения и сравнения, рассказывая в такой форме о приключениях тощего коня, жадной лисы, блохи, кошки с мышами и др.

Мыши приступили к военной подготовке. Построив крепость, они возвели вокруг нее стену, оставив в ней бойницы для пушек. Навесили железные ворота, изготовив для них алмазный ключ. Кошачий царь усмехнулся в усы, повел конницу и началась жестокая битва: «Кровь течет рекой».

Битва с блохой описана в форме баллады. В классической грузинской народной балладе — «Повстречался я с кипчиком» сказано: «Я рассек коня и всадника, острие меча уткнуло в песок». Аналогично и «молодец», сразившийся на горе в Средней Картли с блохой, говорит: «Я взмахнул своим франкским мечом, острием ударили о камень». Свалившаяся с арбы нога блохи «волочилась по земле», как нога великана Амбri в героической повести «Амиран-Дареджаниани»⁴⁵.

Иногда сказители-юмористы в начале стихотворения нарочно сгущают краски, как будто намереваясь поведать слушателям какую-то необыкновенную геройскую повесть. В действительности же повесть оказывается совершенно незначительной и смешной. Внезапный переход от серьезного к комическому — своеобразный юмористический прием, используемый в данном случае с большим тактом и чувством меры.

В третьей главе (стр. 259—311) рассмотрены сатиры и юмор в пословицах и загадках. Пословицы — популярный и интересный жанр народно-поэтического мышления, плод народного остроумия, многовековых наблюдений и поразительно образного мышления. В ней отражены нравственные, философские, социально-политические и гуманистические идеалы народа, и каждая пословица имеет свою интересную историю.

Некоторые пословицы происходят из той или иной сказки, предания, легенды и басни, а некоторые создаются в результате непосредственных наблюдений над окружающей действительностью.

⁴⁵ Амиран не застал Амбri в живых, чтобы помериться с ним силами. У мертвца Амбri, которого везли на кладбище, нога свалилась с повозки, и мать покойника попросила Амирана поднять его ногу и взвалить на арбу. Однако прославленный герой Амиран не сумел выполнить этой просьбы.

В число персонажей пословиц входят также домашние и дикие животные и птицы. Повседневное общение с ними давало крестьянину возможность подробно изучить наиболее типичные качества каждого персонажа, использовать их для раскрытия человеческих характеров и общественных явлений. В этом отношении ни один другой жанр не давал такого поэтического выражения «непоэтичных», бытовых предметов и явлений, как пословица.

Из видов насмешки господствующее место в пословицах занимает ирония. Для иронии характерны намек, смещение, дублирование, т. е. иносказательность. Эта последняя — наиболее характерная особенность пословицы. Пословица представляет, вместе с тем, ритмически организованное поэтическое высказывание, состоящее из двух частей: условия и заключения. Ирония проявляется в специально подобранным «несоответствии» между этим условием и заключением. Вспомним, например, пословицу: «Ваши пьют, а у наших с похмелья голова болит». Отдельные части этой пословицы не содержат никакого юмора, но сочетание их создает определенный обобщающий образ.

В работе подробно рассмотрены все тематические группы грузинских пословиц (бытовые, дидактические, классовые, нравственные и т. д.). В некоторых районах Грузии пословицу называют «силой слова», «оружием крестьянина». Пословица исторически служила также средством своеобразной самозащиты, орудием классовой борьбы. Особой силой обладала пословица, когда она «направлялась не на случайные, а на типические явления, тщательно подобранные народом»⁴⁶.

Проявление сатиры и юмора в загадках обусловлено специфическими особенностями этого жанра. Один предмет или явление по сходным внешним признакам подменяется другим. Подобное дублирование имеет метафорический характер; существуют, однако, и такие загадки, которые основаны на описании действия или состояния предмета или явления; некоторые загадки имеют характер вопросов и т. д. Постепенно загадка утратила свою обрядово-магическую функцию и приобрела новое значение, став «средством испытания остроумия, тренировки сообразительности»⁴⁷.

⁴⁶ Г. Г. Шаповалова, Сатира и юмор в русских пословицах и говорках. Русский фольклор, Материалы и исследования, II, 1957, стр. 86.

⁴⁷ И. М. Колесницкая, Загадки, Русское народное поэтическое творчество, М., 1954, стр. 217.

Каждый участник состязания на вечерах загадок старался проявить свое остроумие, охарактеризовать тот или иной предмет или явление в такой форме, чтобы вызвать у слушателей и ощущение комизма. Это стремление стало неотъемлемым качеством составителей загадок.

В диссертации рассмотрены несколько тематических групп загадок, в которых комизму уделяется соответствующее место. В загадках не встречаются такие сильные виды насмешки, как сатира, сарказм, ирония и др. Это объясняется особенностями самого жанра загадки.

Четвертая глава (стр. 311—401) посвящена грузинскому народному острословию, которое мы считаем видом сатирического рода, поскольку оно целиком и полностью определено сатирическим принципом. Все образцы острословия обладают сатирико-юмористическими особенностями и специально создаются с этой целью.

Острословие вообще до сих пор пока еще не было изучено в грузинской фольклористике. Мы попытались выделить образцы острословия из общего фонда устной словесности, установить репертуар мастеров народного острословия и рассмотреть этот жанр в общем аспекте развития народной сатиры. С этой целью нами были собраны образцы острословия из архивных материалов, периодических изданий, а также из материалов фольклористических экспедиций⁴⁸.

Под острословием мы подразумеваем небольшие народные новеллы сатирико-юмористического типа, шутки и анекдоты и т. п.

Народная новелла, основанная на острословии, содержит несколько мотивов и заканчивается обычно шуточным поучением. В шутках же в максимально лаконичной форме разоблачаются и осуждаются жизненные пороки — глупость, безрассудство, упрямство и недостойные человека привычки. Остроумная шутка подобна удару молнии.

В образцах народного острословия находили свое выражение мотивы классового и социального гнета, нравственная низость, царившая во дворцах, вражда и раздоры знатных феодалов и т. д. Безрассудные поступки причиняют вред не только отдельной личности, но и всему обществу. Мастера острословия, придворные шуты и пр. заостряли главное внимание именно на этом. Они беспощадно разоблачали отдель-

⁴⁸ Часть таких образцов была опубликована нами отдельной книгой под заглавием «Острее меча» (1960 г., на груз. языке).

ные глупые поступки царей, бичевали завистливых придворных, их взаимную вражду, тупость и невежество.

Одним из основных мотивов грузинского народного острословия мы считаем борьбу против неразумных действий, глупости, лени и умственной отсталости. Осуждая и высмеивая одного глупца, острослов тем самым предостерегает другого, и вместе с тем возвышает его в своих собственных глазах, помогает избавиться от недостатков.

По письменным источникам нам известны имена многих мастеров острословия, но, к сожалению, запись их репертуара начала осуществляться только с 20-х гг. 19 в.

Первый сборник образцов народного острословия был составлен Григорием Багратиони в 1819 — 1825 гг.⁴⁹. В предисловии составитель пишет: «Я попытался по мере возможности собрать с древнейших времен произнесенные экспромты, шутки.. и Вас прошу, читатели и слушатели, если где услышите такую веселую шутку, запишите и ее в эту книгу, чтобы не потерялась она для потомства»⁵⁰.

Г. Багратиони включил в свою антологию 20 образцов острословия. Большая часть их принадлежит дворцовыми шутникам. Здесь представлен репертуар Чабуа Орбелиани, Бенниа Бастамашвили, Тэвдоре Хоргуашвили и Отарика; относительно Чабуа Орбелиани составитель пишет, что царь Ираклий любил этого «большого шутника и острослова, человека ученого», но физически «кривого и уродливого, походившего на пузатую корзину».

Образцы острословия другого упоминаемого Г. Орбелиани шутника, Тархана (Бениа), в более подробном и переработанном виде опубликовал отдельной книгой З. Чичинадзе. В его сборнике представлены 29 образцов репертуара этого мастера острословия.

Образцы грузинского народного острословия печатались в «Цискари», «Дроэба», «Сакартвелос календари», «Иверии», «Твиури кребули» Акакия Церетели, «Театри» и других периодических изданиях. Несколько раз были изданы анекдоты, составленные В. Вазариной. В 1893 г. вышел в свет сборник шуток Моллы Насрэддина, переведенных с турецкого на грузинский язык А. Миракишивили. В 1926 г. П. Лежава, под

⁴⁹ Институт грузинских рукописей им. акад. К. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР, рукопись Н-2130.

⁵⁰ Там же, стр. 4.

1. С.-С. Орбелиани, как широко образованный мыслитель, хорошо понимал силу и значение народного творчества. По-видимому, он непосредственно записывал образцы народного остроумия, по-своему их обрабатывал, придавая им сюжетно-композиционное оформление, характерное для произведений басенного типа.

2. В своей книге С.-С. Орбелиани использует главным образом определенный жанр народного творчества — остроречие. Это последнее по природе своей подвижно, легко перекочевывает из одного края в другой. Вот почему для басен «Мудрости вымысла» находятся параллели среди басен других народов. Наличие таких параллелей обусловлено своеобразной природой того материала (острословия), на который опирается великий писатель.

3. С.-С. Орбелиани сознательно маскирует место действия своих персонажей, переносит его в чужеземные края. В действительности же писатель изображает быт грузинского народа, его идеалы и переживания.

4. Отношение С.-С. Орбелиани к народному творчеству имеет следующий характер:

а) Из сказочного эпоса он заимствует отдельные мотивы, которые служат сатирико-юмористической цели;

б) Он пользуется теми народными новеллами и небольшими рассказами сатирико-юмористического типа, которые характеризуются острыми сюжетами и имеют анекдотический финал;

в) «Мудрость вымысла» содержит широко распространенные народные анекдоты;

г) Некоторые басни «Мудрости вымысла» прямо перешли в народ;

д) Что касается стилистических особенностей, то нужно отметить, что иногда в «Мудрость вымысла» прямо включены народные стереотипные выражения.

5. В книге «Мудрости вымысла» грузинское народное остроумие возведено на большую высоту. С.-С. Орбелиани заново создает каждую басню, придавая ей классический, совершенный вид.

В шестой главе (стр. 497—529) рассмотрены сатирика и юмор в современной грузинской народной поэзии. Здесь доказаны этапы возникновения и развития советской сатиры, родившейся в тяжелые годы гражданской войны. Острое этой сатиры было направлено не только против внешних врагов, организаторов интервенции, но и против внутренних врагов революции, обывателей, мещан, дезертиров и паникеров.

Советская сатира тесно связана с тем демократическим и революционным направлением в устной словесности, которое с полной силой развилось в бурные эпохи первой и второй русской революции.

В годы мирного строительства сатира продолжает развиваться по двум направлениям. С одной стороны, ее острье направлено против внешних врагов социалистической Родины, а с другой стороны в ее задачу входила непримиримая борьба за выявление и искоренение буржуазной идеологии, капиталистических пережитков, — всего старого и отжившего. Она проникнута великой верой в новую победу.

Сатирические произведения М. Горького, В. Маяковского, П. Какабадзе, И. Ильфа и Е. Петрова, Н. Думбадзе и многих других советских сатириков тесно связаны с народной сатирой.

Сатирическая струя в современной грузинской народной поэзии, благодаря своей подлинной коллективности и специфическим художественным приемам, придает огромную жизнеспособность народному творчеству вообще.

Современная грузинская народная сатира тесно связана с древней традицией поэтических состязаний. В современной народной поэзии поэтические состязания — один из наиболее распространенных видов проявления сатиры и юмора⁵⁴. Обличительные сатирико-юмористические стихи и песни создавались на определенных этапах социалистического строительства, в соответствии с тем, какие трудности приходилось преодолевать советскому народу, идущему по непроторенному пути.

Представители классов, поверженных революцией (дворянства, купечества, духовенства, кулачества), подвергаются осмеянию, изображаются во всем своем ничтожестве.

В этой главе диссертации мы специально заостряем внимание на традиции состязания в стихах, и поныне сохранившей свою обличительную силу. Мы основываемся при этом на материалах новейших фольклористических экспедиций, а также на собственных записях. Нами выделены типичные сказители-сатирики, как, например, Филипэ Гвиниашвили и его спутник Давид Губианури (Ахметский район, ущелье Панкиси); Иосеб Баниашвили и Иванэ Чарбодашвили (Цителцкарский район, сел. Квемо Кеди); Вано Циклаури и Давид

⁵⁴ М. Чиковани, Сатира и юмор в грузинской народной словесности, см. «Литературули дзиэбани», IX, 1955, стр. 6 (на грузинском языке).

Чохели, Давид Турманаули и Беридзе Хохонишвили (по прозвищу «Шете») и др.

Между этими мастерами стихотворного состязания часто производятся также заочные состязания в форме устных или письменных стихотворных посланий. И. Баиашвили рассказывает о своем сопернике Вано Чарбодашвили: «Мы зорко следим друг за другом, и если одного из нас постигнет какая-нибудь неудача, сразу же высмеиваем в стихотворении... Однажды Вано осмеял меня в стихах, а я задержался с ответом, — все ждал, пока и он в чем-нибудь провинится». Соперники внимательно следят за жизнью своей деревни, за колхозным строительством, высмеивают и бичуют некоторых непригодных председателей совхозов и колхозов, заведующих складами и фермами и т. д. Эта сатира направлена против бездельников, дармоедов, лентяев и расхитителей народного достояния.

В советский период осуществлялось планомерное переселение пшавов и хевсур из их «орлиных гнезд» в долину, — особенно на территорию Кахетии. Этот процесс продолжается и в настоящее время. Если молодежь охотно покидает недоступные горы и селится в долине, то этого нельзя сказать о стариках, которым тяжело покидать могилы своих предков. Переселившиеся в долину и оставшиеся в горах родственники, — иногда даже отцы и дети состязаются друг с другом в сатирико-юмористических стихах. Цикл этих стихов мы рассматриваем особо.

В современной грузинской народной поэзии сатира и юмор пользуются большой популярностью и в будущем они останутся выражением здорового духа трудового народа, его величия и могущества.

В заключительной, **седьмой главе** (стр. 529—551) рассмотрены некоторые жанровые и художественные особенности грузинских народных сатирико-юмористических произведений.

Жанровые особенности сатирических сказок определяются своеобразным принципом отображения действительности, которым они отличаются от фантастических сказок, образуя самостоятельный вид. С этой точки зрения сатирические сказки можно разделить на две группы: сказки, отражающие социальные, антагонистические противоречия, и сказки, высмеивающие недостатки народного быта⁵⁵.

⁵⁵ Е. Ф. Тарасенкова, Жанровое своеобразие русских народных сатирических сказок, см. Русский фольклор, материалы и исследования, II, 1957, стр. 62.

Положительные и отрицательные герои в сатирических сказках первой группы противопоставлены друг другу со всей резкостью и непримиримостью. В сказках второй группы такое противопоставление ограничено, и юмор не переходит в сатиру и сарказм. Герои сатирической сказки по своим типическим характерам отличаются от положительных героев фантастических сказок, поскольку они одерживают победу над противником не фантастическими средствами, а ловкостью и разумными действиями.

Известно, что в народном творчестве реализм прежде всего и наиболее полно проявился в сатирических жанрах. Реализм в сатирических сказках возникает не в тенденции индивидуализирования отрицательных персонажей, а в преувеличении представления какого-либо качества сатирического персонажа. В сатирических сказках художественная гиперболизация осуществляется по двум направлениям: гипербола бытового характера (т. е. образ, не выходящий за пределы реальной возможности) и гипербола фантастического характера. «Фантастический образ носит заведомо нарочитый характер, воспринимается и сказочником, и слушателем как художественная условность, необходимая для выявления каких-то совершенно реальных отношений и характеров»⁵⁶.

Сказитель-сатирик не разъясняет факты и явления, не осуществляет их констатацию, а выносит приговор и оценивает их посредством смеха⁵⁷. Жизненную действительность сатирик рассматривает под особым углом. Больше всего его интересует отрицательное в жизни. Он не заботится об объективности, свободно обращается с формой. Сатирическому образу присуща внутренняя слабость, или же хотя бы одна такая отрицательная черта, которая «подавляет все его хорошие качества и разрушает ту силу, на которую он претендует»⁵⁸.

Как мы уже указывали, при создании образов персонажей сатирических сказок первой группы используется метод преувеличения, не выходящего за пределы реальной возможности, но для того времени все же такие персонажи были необычайными. «Само поражение классового врага тоже являлось для того времени необычайным»⁵⁹.

⁵⁶ В. Гусев, О художественном методе народной поэзии. См. Русский фольклор, V, 1960, стр. 48.

⁵⁷ М. Тронская, Немецкая сатира эпохи Просвещения, 1962, стр. 5.

⁵⁸ Я. Эльсберг, Вопросы теории сатиры, 1957, стр. 220.

⁵⁹ Е. Тарасенкова, Указ. соч., стр. 66.

В сатирических сказках второй группы, рассказывающих о недостатках в народном быту, противопоставление положительных и отрицательных персонажей обычно, здесь необычным может быть преувеличенное отображение какого-либо качества персонажа (глупости, лени).

Необычность ситуаций, поступков и взаимоотношений героев не противоречит реалистичности сатирической сказки. Главную роль в создании образа играет обобщение типических качеств. Типический образ создается путем олицетворения характерного и изображения его в преувеличенных красках. В. Белинский указывал: «чтобы уничтожить ложь, должно не мешать ей дойти до своей последней крайности». Гиперболизация, преувеличение не отрывают образа от действительности, а наоборот, делают его более характерным и запоминающимся.

Одним из основных приемов создания сатирического образа в сказках мы считаем контраст. Герои сатирической сказки противопоставляются друг другу по своему социальному положению, семейным отношениям и др. Контраст указывается с самого же начала: «Жил-был один бедный крестьянин. Были у него три сына. Старший был трудолюбивым, а младший — бездельником» (А. Глонти, Грузинские народные новеллы, 1956, стр. 114); «Сын одного бедного крестьянина нанялся в работники к злому государю» (там же, стр. 176) и т. п.

Экспозиционная часть иногда начинается с моральной характеристики персонажа: «Жил-был один злой священник, имевший злого дьякона» (там же, стр. 245); «В одной деревне был жадный священник» (там же, стр. 259); или же с непосредственного описания: «Один лентяй встал и отправился в путь» (там же, стр. 172) и др.

В некоторых сатирических сказках конфликт развивается в виде соперничества между положительными и отрицательными персонажами, а также может принимать и другие формы. Воровство, например, в таких сказках приобретает вид своеобразного соревнования. Царь, помещик или священник во всеуслышание объявляют, что никто не сможет украсть принадлежащего им сокровища. Они заранее принимают все меры предосторожности, но ловкий человек все же достигает своей цели и выходит победителем из состязания. Примером этого может служить направленная против царя пародия — «Два вора», сюжет которой имеет международное распространение. В сказках этого типа воровство и обман «воспринима-

ются... как положительные и вызывают не осуждение, а полное одобрение и сочувствие»⁶⁰.

Для сатирических сказок характерны, говоря словами Ф. Энгельса, «поразительно комические положения», а также различное понимание значений отдельных слов. Классическими примерами этого могут служить сказки: «Полгорсти», «Тroe глухих», «Лиса-судья» и др.

В сказках о глупцах конфликт и юмор возникают в результате того, что действия глупцов противопоставляются принятым и общепризнанным обычаям.

Юмористично действие персонажей, выдающих себя за слепых, глухих, или вернувшихся с того света.

В стилистическом отношении для сатирических сказок характерно использование пословиц, загадок, юмористических афоризмов.

В сказках используются «лексическая» сатира и юмор, когда некоторым персонажам приписываются неприсущие им качества (например, ослу — ум, или же лисе — духовная чистота и благородство); к ним отнесены такие выражения, относящиеся к дворцовому этикету, которые служат только сатирико-юмористической цели.

Классические образцы наивного юмора — сказка «Молодожены» (А. Глонти, Гурский фольклор, I, 1937, стр. 195), «Каменный град и косоглазый государь» (Е. Вирсаладзе, Избранные грузинские народные сказки, 1958, стр. 377) и др.

Основанная на преувеличенном сравнении «остроумная ложь» — сатирико-юмористический прием, для которого характерны своеобразные фантастика и манера повествования. Эта фантастика лишена реальной основы, и слушатель с самого же начала воспринимает ее как искусственное преувеличение.

Основным сатирико-юмористическим приемом в грузинской народной поэзии, как и в сатирических сказках, является преувеличенное сравнение. В поэтических образцах мы имеем дело с разнообразными средствами проявления сатиры и юмора. Этому способствует наличие таких специфических видов, как состязание в стихах, кафия и др.

Сатира, направленная против чужеземных захватчиков, отличается своей резкостью. Захватчики представлены в униженном положении («я рубил лезгин, как редьку»,

⁶⁰ В. Гусев, указ. соч., стр. 49.

или же «пуля угодила в вожака лезгин, он открывает рот как дрозд» и др.). Такая же резкость характерна и для насмешки, направленной против местных угнетателей, помещиков.

В стихах, отражающих быт самих трудящихся, господствующее место занимает в основном юмор. Здесь, наряду с приемом преувеличенного сравнения, встречается также прием «случайного» или произвольного связывания (подробно рассматриваемый Г. Кикнадзе в упомянутой нами книге).

Особое внимание обращает на себя тот факт, что стихотворцы-юмористы заимствуют из героической поэзии широко распространенные эпитеты, сравнения, стереотипные выражения, описывая в такой форме приключения тощего коня, жаждой лисы, блохи, войну мышей с кошками и т. д. Такое сознательное, заранее обдуманное действие является сатирико-юмористическим приемом, используемым главным образом в сатирико-юмористических стихах о животных.

Богатство и разнообразие сатирического направления обеспечили обилие и разнородность самих сатирико-юмористических приемов в грузинской народной словесности.

* * *

Основное содержание диссертационной работы изложено в следующих трудах автора (на грузинском языке):

1. Книга «Мудрости и вымысла» и грузинское народное острословие, Тб., 1959, 96 стр.
2. Сатира и юмор в грузинской народной словесности, Тб., 1960, стр. 206.
3. Остree меча, Тб., 1960, стр. 1—100.
4. Хевсурское стихотворное состязание и пшавская кафия («Литературули дзиэбани»; XIII, 1961, стр. 305—320).
5. К вопросу о традиции состязания в стихах и состязания в шаире («Литературули дзиэбани», XIV, 1962, стр. 285—302).
6. Важа-Пшавела и пшавская кафия (Юбилейный сборник, посвященный Важа-Пшавела, Тб., 1962, стр. 161—182).

ცანავა აპოლონ ვასილის-ძე
სატირა და იუმორი ქართულ ხალაურ სიტყვერებაში